

КРАСНАЯ ТРОПА

Владимир Шуватов

18+

Владимир Шуватов

Красная тропа

<https://litres.ru/74069728>

SelfPub; 2026

Аннотация

Домиан Вэллс — лучший студент медицинского факультета. Спокойный, отстранённый, идеально контролирующий себя. Он видит мир иначе — там, где другие видят хаос, он видит справедливость. И когда в его руки попадает древний скальпель, он становится тем, кто исправляет то, что не смогла исправить система.

Но в этом мире есть Кайра — следователь, которая верит в закон и в людей. Её расследование ведёт прямо к Домиану. Между ними возникает связь, которую невозможно игнорировать.

С каждым шагом Домиан всё глубже погружается в мир, где справедливость и смерть сливаются в одно. Красная тропа ведёт его вперёд, но он уже не уверен, хочет ли идти до конца. Ведь иногда самый трудный выбор — не продолжать, а остановиться.

История о том, можно ли остановиться, когда уже начал убивать. О цене справедливости. О силе любви. И о том, как один выбор меняет всё.

Владимир Шуватов

Красная тропа

Красная тропа

Владимир Шуватов

Глава 1. Поверхность

Домиан Вэллс проснулся за три минуты до сигнала будильника. Как всегда.

Он не выключал звук — просто лежал с открытыми глазами, слушая, как за окном общежития начинается утро университетского городка. Где-то хлопнула дверь, залаяла соседская собака, застрекотала старая кофемашина внизу. Обычный день. Четвёртый курс медицинского факультета Алдонского государственного университета. Хирургия, психология, анатомический театр по средам и лекции по нейропластичности — вот его реальность уже почти четыре года.

Он поднялся, аккуратно заправил постель, прошёл в крошечную душевую. В зеркале над раковиной отразилось спокойное, немного бледное лицо с серыми глазами и тёмными волосами, которые он зачёсывал назад, когда занимался

препарированием, и отпускал на лоб — в остальное время. Ничего особенного. Если не считать взгляда. Преподаватели говорили «вдумчивый», сокурсницы — «глубокий». Сам Домиан называл это иначе, но про себя.

Он оделся без спешки — тёмные брюки, простая рубашка с закатанными рукавами. Никаких излишеств. Вэллсы были семьёй со средствами и положением: отец — главный хирург региональной клиники, мать — профессор возрастной психиатрии. Домиан мог бы учиться на платном отделении, как большинство его однокурсников из богатых семей. Но он выбрал бюджет. Не потому, что нуждался в деньгах. Потому что мог. И ему нравилось доказывать — себе в первую очередь, — что он лучший без всякой «помощи с семейного совета».

За завтраком в студенческой столовой к нему подсела рыжеволосая первокурсница. Предложила взять ей кофе. Домиан вежливо улыбнулся, сказал, что торопится на лекцию, но помог донести поднос до столика. Девушка покраснела. Он заметил это, но не придал значения. Он замечал всё — наклон головы, пульсацию на шее, лёгкую асимметрию улыбки, которая выдавала неуверенность. И каждый раз мысленно ставил диагноз. Не потому, что хотел помочь. Просто это было упражнение.

— Домиан, ты идёшь на анатомичку? — окликнул его парень в очках, с которым они вместе готовили доклад о торакальной хирургии. Приятель. Не друг. Домиан кивнул. У него не было друзей. Вообще. Он не чувствовал потребности. С ним здоровались, его хвалили, его приглашали на вечеринки, от которых он мягко отказывался: «Экзамены, вы же понимаете», — и никто не знал, чем он живёт после десяти вечера. Потому что после десяти он просто сидел в своей комнате. Смотрел в окно. Думал.

День тянулся обычной чередой. Лекция по патофизиологии — он отвечал на три сложных вопроса, профессор Варгас назвал ответ «образцовым». Практикум по топографической анатомии — его группа работала с препаратом плечевого сплетения, и Домиан первым выделил срединный нерв, не повредив окружение. «Ты видел, как он это сделал?» — прошептал кто-то сзади. Домиан сделал вид, что не услышал.

К обеду над городком собрались дождевые тучи. Это был один из тех дней поздней осени, когда небо становится похоже на старый бетон — тяжёлый, низкий, почти осязаемый. Домиан не спеша пересёк парк, отделяющий учебный корпус от общежития. Под ногами хлюпали лужи. Он на секунду остановился, глядя в одну из них — мутную, в которой отражались голые ветки и серое небо. Ничего необычного. Но он задержал взгляд. Вот так просто: стоял и смотрел на во-

ду. Не потому, что ждал чуда. Просто иногда ему нравилось смотреть на поверхность. В ней было что-то успокаивающее — граница между тем, что сверху, и тем, что снизу. Идеально ровная, если не считать ряби от ветра. Он пошёл дальше.

Вечером в комнате он сел за стол с чашкой крепкого чёрного чая. За окном уже стемнело, настольная лампа отбрасывала жёлтый круг на конспекты по детской нейропсихологии. Домиан писал разбор клинического случая — ребёнок с органическим поражением лобных долей, который перестал распознавать эмоции других людей. «Интересно, — подумал он, — каково это — не видеть страха на лицах». Или, точнее, видеть, но не уметь считать.

Он дописал предложение и поднял чашку, чтобы сделать глоток. И замер. В отражении на поверхности чая — тёмной, почти чёрной, маслянистой от заварки — было не его лицо. Там, где должно было быть отражение потолка и собственных глаз, клубилось что-то багровое. Небо. Алое, как свежая артериальная кровь — та самая яркая, алая, которая бьёт фонтаном, если случайно задеть сонную. И по этому красному небу медленно плыли чёрные силуэты. Не птицы. Слишком большие и слишком бесформенные для птиц. Один из них дёрнулся — и Домиану показалось, что он слышит звук,

похожий на хруст веток под ногами. Или на треск костей на занятии по остеосинтезу.

Он не моргнул. Не дёрнулся. Просто смотрел. Три секунды. Пять. Восемь. Потом он всё-таки моргнул — рефлекторно, сухо, как делал всегда, когда глаза начинали щипать от долгого вглядывания. И чайная поверхность стала прежней. Жёлтый свет лампы, отражение его собственной брови, кушочек подбородка. Обычная чашка. Обычный вечер.

Домиан поставил чашку на стол. Постучал костяшками пальцев по столешнице — раз, два, три. Пауза. Потом медленно допил чай и отнёс кружку в раковину.

«Усталость, — подумал он. — Недосып. Третьи сутки разбор гипоталамо-гипофизарной системы и перегрузка сосудистой сетчатки».

Он вернулся к конспектам. Написал ещё абзац. Потом закрыл ноутбук и долго сидел в темноте, глядя в окно. На улице моросило. Вода стекала по стеклу мутными дорожками, искажая свет уличного фонаря. «А если нет?» — мелькнула мысль. Он прогнал её. Улыбнулся уголками губ — той самой спокойной, светлой улыбкой, от которой таяли первокурсницы и ставили «отлично» профессора. Лёг спать ровно в полночь. Сон пришёл сразу — глубокий, без сновидений.

И только под утро, в той зыбкой фазе между сном и пробуждением, ему почудилось, что кто-то шепчет одно слово на незнакомом языке. Похожее на скрежет камня о стекло. Он проснулся, сел в постели. Пустая комната. Только за окном по луже, оставшейся после ночного дождя, побежала мелкая рябь — хотя ветра не было.

Домиан не стал включать свет. Просто посидел минуту, потом лёг обратно и закрыл глаза. Он запомнил всё. До последнего силуэта. Но решил, что это галлюцинация. Решил. Жизнь продолжилась.

—

Конец первой главы.

Глава 2. Инструмент

Утро началось как обычно. Будильник за три минуты до звонка. Душ. Заправленная постель.

Он остался у родителей на выходные — отец просил помочь с разбором старых историй болезней. Комната была его, старой, с книгами и анатомическими плакатами на стенах.

Чёрный кофе из старой турки — единственное, в чём Домиан позволял себе лёгкую небрежность. Вкус горечи на языке помогал собрать мысли после той ночи.

А ночь была странной. Он помнил красное небо в чашке чая. Помнил, как решил, что это галлюцинация. И помнил сон — тот самый, последний, перед пробуждением: чей-то голос, скрежет камня о стекло и одно слово на незнакомом языке. Домиан отогнал воспоминание. Усталость. Перегрузка сетчатки. Гипнагогические образы. Всё имеет научное объяснение.

День потянулся привычной чередой. Лекция по нейрохирургии — он задал профессору три уточняющих вопроса, на которые тот не смог ответить. Практикум по патанатомии — его препарат признали лучшим в группе. Обед в столовой, где к нему снова кто-то подсел. Девушка с филфака, кажется. Домиан улыбнулся, поддержал беседу, запомнил её имя (Лена) и тут же забыл. Вечерняя тренировка в тренажёрном зале — он отрабатывал точные движения кисти: мелкая моторика для хирурга значит больше, чем грубая сила.

К девяти вечера он вышел из университета и направился к общежитию привычным путём. Но на углу Линден-стрит путь ему преградила жёлтая лента ограждения. Авария. Кто-

то врезался в столб, машину увозила эвакуация, тротуар перекрыли. Домиан вздохнул и пошёл в обход — через старый район, где он не бывал ни разу.

Там было тихо. Фонари горели через один, дома казались заброшенными, воздух пах сыростью и прелыми листьями. Домиан шёл быстро, поглядывая на часы. И тут его взгляд зацепился за витрину.

Маленький магазинчик — каких здесь быть не могло. Среди глухих стен и закрытых ставен вдруг обнаружилась дверь с тусклой подсветкой и вывеска: «Редкости. Инструмент. Вход свободный». Ни номера телефона, ни часов работы. Просто дверь, краска на которой облупилась узорами, похожими на вены.

Домиан остановился. Ничего особенного. Сувенирная лавка, каких много. Но что-то заставило его толкнуть дверь. Возможно, скука. Или врождённое любопытство медика, который привык разглядывать необычные инструменты. Он вошёл — не придавая этому значения.

Потом он вспомнит этот момент десятки раз. И так и не поймёт — почему не прошёл мимо.

Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то сладковатым — то ли табаком, то ли травами. Помещение оказалось крошечным: прилавок, несколько стеллажей до потолка, заставленных коробками, футлярами, непонятными свёртками. В углу на табурете сидел старик. Седая борода клинышком, морщинистые руки, и во рту — потухшая трубка. Он не курил. Просто держал её, как держат старую привычку.

Домиан поздоровался. Старик не ответил. Даже не поднял головы.

Домиан повторил вопрос чуть громче, вежливо — улыбка, открытая поза, идеальные манеры. Ноль реакции. Старик смотрел сквозь него, в стену, или вообще в другое измерение. Странно. Неприятно. Но Домиан не ушёл. Его пальцы сами начали перебирать предметы на прилавке.

Старые часы без стрелок. Засушенный цветок в колбе. Амулет из почерневшего серебра. И — в самом углу, под куском замши — скальпель.

Домиан взял его в руки.

Рукоять из чёрного металла, холодная, с едва заметными символами, которые время почти стёрло. Лезвие — не со-

временное, не сменное. Сталь с разводами, как дамасская, но иначе. Он поднёс его ближе к глазам и заметил: металл не блестел. Был матовым, почти живым. На ощупь — чуть теплее, чем положено инструменту, который лежал в холоде неизвестно сколько.

Домиан спросил цену. Старик медленно поднял палец. Показал на стол. Там, на дощатой поверхности, кто-то уже нацарапал цифру. Смешную. Слишком маленькую для такого предмета.

Домиан положил деньги. Старик даже не посмотрел в их сторону. Тогда Домиан взял скальпель, сунул его во внутренний карман куртки и вышел.

Он прошёл квартал, потом второй. Вечерний воздух был сырым, фонари мигали, где-то лаяла собака. Домиан шёл и чувствовал тяжесть во внутреннем кармане. Не физическую — странную. Как будто там лежало нечто большее, чем кусок металла.

Он остановился. Достал скальпель, повертел в руках под светом уличного фонаря. Чёрная рукоять. Стёртые символы. Лезвие с разводами, как у старой дамасской стали. Краси-

вый. Дорогой. Совершенно бесполезный.

— Зачем я это купил? — спросил он сам себя вслух.

Ответа не было. Только ветер донёс запах мокрых листьев.

Домиан сунул скальпель обратно и развернулся. Лавка была в трёх кварталах. Он решил вернуться. Спросить у старика — кто делал этот инструмент, откуда он, почему так дёшево отдал. Медицинское любопытство. И какое-то смутное чувство, что он что-то упустил.

Он почти бежал обратно. Вот тот забор. Вот стена с облупленной штукатуркой. Вот место, где была дверь.

Ничего.

Ровная кирпичная кладка. Мусор у порога. Ни вывески, ни щели. Как будто ничего и не существовало.

Домиан провёл рукой по стене. Кирпич был холодным, жёстким, настоящим. Он обошёл здание — ни чёрного хода, ни окна, ни подвала. Глухая стена.

«Галлюцинация на фоне усталости, — подумал он. — Или розыгрыш. Или я схожу с ума».

Он потрогал скальпель через ткань. Твёрдый. Тёплый. Реальный.

Он пошёл домой, ускоряя шаг.

Второй переулок — короткий, между двумя глухими заборами — он выбрал, чтобы сократить путь. И там это услышал.

Сначала голоса. Мужские. Грубые, пьяные, уверенные в своей безнаказанности. Потом всхлип — женский, сдавленный. А потом глухой удар и звук падающего тела.

Домиан остановился в тени. Дальше был узкий проход, освещённый единственным жёлтым пятном от фонаря на столбе. Трое. Они стояли вокруг девушки, прижатой к стене. Четвёртый — уже на земле. Парень, который пытался заступиться. Он не шевелился.

Домиан замер. Его рука сама легла на карман, где лежал скальпель.

И тогда это случилось.

Тепло от металла разлилось по пальцам, поднялось по запястью, ударило в голову. На секунду мир вокруг стал другим — не глазами, а чем-то более глубоким. Он увидел. Не лицами — намерениями.

Коренастый: «Возьму её первой. Потом пусть остальные. А этого прикопаем здесь же, свидетели не нужны».

Второй, тощий с рыжими усами: «Надо бы порезать парня для острастки. Чтобы не вставал».

Третий, молодой, почти мальчик: «Страшно. Но они сильнее. Если не сделаю как они — побьют меня. Лучше сделаю».

И третий — особенно. У того не было злобы. Только трусость. И готовность переступить через чужую боль, чтобы не пострадать самому.

Видение пропало так же внезапно, как пришло. Домиан выдохнул. Сердце колотилось, но голова оставалась ледяной.

Он вышел из тени.

Коренастый повернулся к нему, хищно улыбнулся. Что-то сказал — Домиан не разобрал слов, да и не слушал. Смотрел в лица. Он видел в них то, что уже однажды прочитал.

Никто не отступит. Никто не передумает. Девушку изнасилуют и убьют. Парня — в живых не оставят. А его, Домиана, скорее всего, тоже. Потому что он стал свидетелем.

Домиан мог бы уйти. Он был быстр. Они не стали бы его преследовать.

Но он знал.

Рыжий сделал шаг вперёд, вытаскивая нож. Коренастый пошёл в обход. Мальчишка смотрел в землю.

И в этот момент Домиан понял. Он не испугался. Не запаниковал. Внутри не было ни моральной дрожи, ни желания бежать. Было только странное, пугающее спокойствие. И знание: этих троих не изменить. Не перевоспитать. Не посадить — потому что завтра они выйдут под залог и сделают то же самое. С другой девушкой. В другом переулке.

«Вырезать, — подумал он. — Как раковую опухоль».

Рука сама скользнула во внутренний карман. Пальцы на-

щупали тёплую рукоять скальпеля.

Он не сделал ни шага. Не произнёс ни слова. Просто стоял и смотрел, как рыжий приближается к девушке. И внутри него что-то щёлкнуло — тихо, окончательно, как захлопывается дверь операционной перед первой в жизни резекцией.

Он знал, что сделает. Не сейчас. Через секунду. Или через две.

Рыжий протянул руку к её волосам.

Домиан выдохнул. Пальцы сжали скальпель.

В голове пронеслось: «Если я это сделаю — я стану другим. Навсегда».

И тут же пришёл ответ: «Я уже другой».

Он шагнул вперёд.

—

Конец второй главы.

Глава 3. Отражение в стали

Домиан пришёл в общежитие к полночи. Родители остались в своём доме, и никто не знал, где он провёл последние пару часов.

Он справился.

Девушка ушла — она не запомнит его лица. Только голос, который она постарается забыть. Парень очнулся и поверил в её историю. А тот, третий — мальчишка — сбежал и больше не появится. Домиан знал это. Он вложил в его голову страх, который не сотрёт даже полицейский протокол. Психология всегда работала лучше угроз.

В комнате было тихо.

Домиан сидел на краю кровати, не раздеваясь. Куртка всё ещё на нём, на рукаве — ни пятна. Он проверил уже трижды. Хирургическая привычка: сначала действие, потом контроль. Кровь не брызгает, если знать, куда воткнуть. Он знал. И всё же проверил. Чисто.

Скальпель лежал на столе. Чёрная рукоять поблёскивала в свете настольной лампы. Домиан смотрел на него уже минут десять, может, больше. Не двигался. Не моргал. Просто

сидел и перебирал в голове каждую секунду переулка.

Три шага вперёд. Поворот корпуса. Удар.

Рыжий охнул и осел раньше, чем понял, что умер. Коренастый обернулся — слишком медленно. Второй удар вошёл в основание черепа, как в масло. Ни хруста, ни крика. Только тишина и запах сырой земли.

Домиан закрыл глаза. Не от страха. От перегрузки. Мозг работал чётко, холодно, почти пугающе эффективно. Он прокручивал каждое движение, каждый сантиметр лезвия, каждый выдох. И не находил ошибок.

Он принял это. Не с радостью. Не с гордостью. Просто констатировал факт: «Я это сделал. И я не жалею».

Но сожаление пришло позже. Не о том, что он сделал. О том, что пришлось сделать.

Он открыл глаза, посмотрел в потолок. Система. Закон. Справедливость, которую обещают, но не дают. Эти двое могли бы получить условный срок. Или выйти под залог. Или вообще не попасть в тюрьму — не хватило бы доказательств. А девушка в переулке лежала бы в морге. Или хуже.

Домиан медленно выдохнул. Общество гнилое. Он всего лишь хирург, который удалил опухоль. Но от осознания этого легче не становилось.

Он протянул руку к скальпелю.

Не для чего-то. Просто так. Пальцы сами легли на рукоять — идеально, будто лились под неё. Домиан поднёс инструмент к свету, рассматривая разводы на лезвии. Странная сталь. Не блестит. Матовая, почти живая. Он провёл большим пальцем по лезвию — легонько, задумавшись.

Боль пришла не сразу. Сначала тонкая нитка холода, потом горячая вспышка. Домиан отдёргнул руку. На ладони, чуть ниже указательного пальца, выступила алая полоска. Кровь собиралась в каплю, тяжелела.

Мир дёрнулся.

Небо за окном вспыхнуло красным. Не рассвет, не закат — плотное, тягучее алое, как свежая артериальная кровь на операционной салфетке. Стены комнаты покрылись рябью, будто смотрел сквозь мутную воду. Скальпель в руке стал горячим — не обжигал, но пульсировал в такт сердцу.

Домиан резко встал. Кровать осталась позади. Комната — та же самая, но другая. Тени на стенах шевелились, как живые. Потолок казался выше, пол — глубже. И всюду, куда ни глянь, тянулись алые отблески.

В голову хлынули образы.

Он не видел их глазами. Они рождались прямо в сознании — резкие, но чёткие, как хорошо вымытое стекло. Чёрное пламя. Оно держалось вертикально, пульсировало, но не распадалось, сохраняя отчётливый человеческий образ. Мужчина. Широкие плечи, прямая спина, аристократичная осанка. Волосы тёмные, но у висков — густая седина, которая не старила, а придавала вес. Короткая ровная борода. Тонкие элегантные руки с длинными пальцами — руки пианиста или хирурга. Он стоял спокойно, будто ждал.

И в правой руке держал скальпель — такой же, как сейчас у Домиана.

Вместе с образом пришли чувства. Не его. Чужие. Но такие родные, что граница стёрлась.

Справедливость. Холодная, математическая. Не месть, не гнев — простота. «Этот человек причинил зло. Он не остановится. Значит, его нужно убрать».

Расчётливость. Каждое движение просчитано на три шага вперёд. Никакой импровизации. Только план и его исполнение.

Сожаление. Тяжёлое, глухое. Не о содеянном убийстве. О том, что он вообще оказался в этой роли. «Если бы система работала, мне не пришлось бы. Если бы закон наказывал по-настоящему. Если бы люди не были такими... гнилыми». Домиан узнал это чувство. Оно жило в нём с первых курсов, когда он понял, что многие его однокурсники станут плохими врачами. Что преступники выходят по УДО. Что справедливость — это товар, который продаётся.

Высокомерие. Лёгкое, едва уловимое. Не гордыня, не тщеславие. Просто знание: «Я умнее их. Я вижу то, чего они не видят. Поэтому я вправе судить». Домиан замер. Это чувство он узнавал. Оно всегда жило в нём — с детства, с первых книг по анатомии, с первых лекций, где он поправлял профессоров. Он просто никогда не называл его вслух.

Видение кончилось. Мир остался красным. Скальпель всё ещё пульсировал в ладони. Домиан стоял посреди комнаты. Он только что увидел прошлое этой вещи. И прошлое её хозяина.

Человек из чёрного пламени. Врач. Судья. Палач. Он тоже вырезал зло. Тоже считал себя правым. Тоже устал от того, что мир несправедлив.

И он сожалел. Не о том, что убивал. О том, что был к этому вынужден.

Домиан опустил взгляд на порез. Кровь всё ещё сочилась. Он не стал её вытирать. Просто стоял и ждал, наблюдая за красным миром. Сколько это продлится? Минуту? Час? Навсегда?

Он посмотрел на наручные часы. 00:37. Запомнил время.

Отец постучал. Глухо, три удара.

— Сын, ты не спишь? Я видел свет.

Домиан замер. Скальпель всё ещё в руке. Мир красный. Отец — серый силуэт за дверью.

— Всё хорошо, — голос звучал ровно. — Я уже ложусь.

— У тебя завтра лекция?

— Да. Я выключу свет.

Пауза. Отец, кажется, хотел что-то добавить, но не добавил. Серый силуэт отодвинулся от двери, прошёл по коридору, свернул за угол — и исчез из виду.

Он выдохнул. Посмотрел на скальпель. Красный мир постепенно тускнел. Часы на запястье показывали 00:47. Начало в 00:37 — значит, длилось десять минут. Он запомнил.

Он сел на кровать, дожидаясь, когда краснота уйдёт. И когда мир снова стал серым и обычным, достал блокнот.

Но прежде чем писать, замер. А что, если десять минут — это не константа, а случайность? Единственный способ узнать — проверить.

Домиан посмотрел на порез на ладони. Кровь уже запеклась, но рана была свежей. Он плавно провёл пальцем по лезвию — сильнее, чем в прошлый раз. Боль обожгла, кровь выступила быстрее. Мир снова дёрнулся, выстрелил алым.

Часы показали 00:49.

Он ждал. Стоял посреди комнаты, смотрел на красное небо, на шевелящиеся тени. Через десять минут — ровно в 00:59 — мир моргнул и стал обычным.

Домиан записал: «Время не зависит от глубины пореза. Фиксированные 10 минут».

Но этого мало. Нужно больше данных.

Он сделал третий порез — на этот раз на левой руке, ближе к запястью, где кожа тоньше. Кровь выступила мгновенно. Мир снова стал красным. Домиан не стоял на месте — он начал двигаться. Прошёлся по комнате, выглянул в коридор (пусто), подошёл к окну.

На улице — ни души. Только красное небо и чёрные силуэты фонарей. Никаких людей. Никаких машин. Город вымер.

Он посмотрел на свои руки. В красном свете они выглядели чужими — бледными, почти прозрачными, с чёрными прожилками вен. Скальпель в правой руке пульсировал, но не светился. Домиан поднёс его к лицу — на лезвии не было отражения. Вообще. Как будто металл не желал показывать его лицо.

«Интересно», — подумал он. — «Я вижу всех, но себя — нет».

Он вернулся к столу, достал блокнот. Красный мир не мешал писать — чернила ложились на бумагу как обычно. Он быстро набросал список вопросов и начал ставить эксперименты один за другим.

Эксперимент 1. Дальность.

Домиан подошёл к стене, прижал ладонь к бетону. Сквозь перекрытия он видел соседей — серые силуэты, двое, один чуть темнее. Через одну стену — женщина с ребёнком, оба серые. Через две — старик, почти чёрный. Он сделал шаг назад, прислушался к ощущениям. Изображение становилось размытым, как старая фотография. На третьей стене — за комнатой, за коридором, за ещё одной комнатой — силуэты уже не различались, только смутные пятна.

Он отступил ещё на шаг. Пятна исчезли.

Вывод: «Дальность — примерно три бетонные стены или два этажа. Дальше — не вижу. Сквозь угол не вижу».

Эксперимент 2. Чужие мысли?

Домиан сосредоточился на соседу-старике (чёрный силуэт). Попытался услышать его мысли — ничего. Только цвет и смутное ощущение тяжести, злобы, застарелой обиды. Не слова. Не образы. Чистое чувство.

Вывод: «Не читаю мысли. Только чувства и намерения. Цвет — индикатор степени гнилости».

Эксперимент 3. Реакция на прикосновение.

Он взял со стола ручку и провёл ею по лезвию скальпеля. Никакой реакции. Постучал по рукояти. Ноль. Дотронулся до лезвия пальцем — без пореза. Холодный металл, ничего больше.

Вывод: «Только контакт с моей кровью открывает красный мир. Прикосновения других предметов или кожи без повреждений не работают».

Эксперимент 4. Активатор — кровь?

Домиан посмотрел на пластырь с каплей своей крови. Взял его, прижал к лезвию — ничего. Капля его крови на скальпеле без пореза не активировала видение.

Вывод: «Нужен именно порез. Свежая рана. Собственная кровь, которая течёт. Засохшая не работает».

Эксперимент 5. Влияние на людей.

Он подошёл к стене, где за ней спал отец. Сосредоточился. Красный мир показывал серый силуэт — неподвижный, ровный. Домиан попытался мысленно «толкнуть» его, изменить цвет, заставить проснуться. Ничего.

Вывод: «Не могу влиять на людей через красный мир. Только наблюдать».

Эксперимент 6. Что вижу, когда не смотрю на людей?

Он отвернулся от стены, посмотрел в окно. Красное небо, чёрные силуэты деревьев. Никаких людей — никого.

Он посмотрел на комнатное растение на подоконнике — засохший кактус, который он забыл полить. В красном мире кактус выглядел... никак. Обычный зелёный (хотя всё вокруг было красным). Не светился, не менял цвет.

Вывод: «Только люди. И, возможно, животные — прове-

ритель позже. Растения, предметы — нет».

Время истекло. Мир снова стал серым и обычным. Доминан посмотрел на часы — 01:09. Он провёл в красном мире почти час, чередуя порезы и записи. Ладонь ныла от боли, пальцы были в мелких ранках. Он аккуратно обработал их антисептиком и заклеил свежими пластырями.

Теперь блокнот содержал список:

«Свойства артефакта (предварительно):

1. Активация — порез собственной кровью (свежая рана, текущая кровь). Глубина не важна. Время активации — немедленно.
2. Длительность — ровно 10 минут. Не зависит от глубины пореза.
3. В режиме: мир становится алым. Вижу людей сквозь стены (до трёх бетонных стен или два этажа). Дальше — нет. Цвета: чёрный (зло/гниль), серый (обычные), белый (редко, чистые). Цвет — индикатор намерений и степени, но не читаю мысли.
4. Не могу влиять на людей в режиме. Только наблюдать.
5. Не вижу себя в отражениях в этом режиме.

6. Другие люди в режиме меня замечают? Не проверено. (Отец не заметил ничего странного, но я не двигался и не говорил. Возможно, если двигаться — заметят.).

7. Нужно проверить: животные, работа в режиме (писать, читать?), реакция скальпеля на прикосновение к другим людям (очень опасно), передача способности другому через мою кровь.

Пока всё.»

Домиан закрыл блокнот и откинулся на спинку стула. Красный мир был одновременно пугающим и завораживающим. Как операционная — там нет места лишним эмоциям, только факты и действия. Он почувствовал странное удовлетворение. Не эйфорию. Нет. Холодное, спокойное понимание: теперь у него есть инструмент. Не только скальпель, но и знание о его работе. А знание — это сила.

Он посмотрел на часы. 01:15. Завтра — лекция по нейрохирургии. Нужно спать.

Домиан лёг, положил скальпель под подушку. Перед сном мелькнула мысль: «Человек из чёрного пламени тоже вёл записи? Тоже экспериментировал? Тоже сожалел?». »

Он закрыл глаза и провалился в сон без сновидений.

В то же самое время, на другом конце города, машина криминальной полиции стояла в переулке.

Кайра Ларсен вышла из автомобиля. Тёмно-русые волосы туго стянуты в пучок, одна прядь выбилась — она машинально убрала её, даже не заметив. Красный шнурок на часах мелькнул под рукавом блейзера. Синяя вспышка маячка освещала жёлтую ленту ограждения.

— Двое мужчин, — сказал подошедший полицейский. — Без документов. Оба мертвы на месте.

Она кивнула, шагнула за ограждение.

Семь лет в отделе, из них три — старший инспектор по особо важным делам. Она видела всякое. Но эти двое... Кайра опустилась на корточки рядом с первым телом. Коренастый, татуировка на шее. Причина смерти — удар в основание черепа. Тонкий, почти хирургический. Без лишней крови. Второй — тощий, рыжие усы, нож валяется рядом. Удар чуть ниже уха, в сонную артерию.

Она поднялась. Пальцы сами потянулись к красному шнурку на часах — нервная привычка, когда мозг работал на пределе. Кайра огляделась. Переулок узкий, два глухих забора, один фонарь. Чисто. Никаких следов борьбы, только мёртвые тела.

Она наклонилась к ране на шее у рыжего. Порез странной формы — не нож, не лезвие, что-то другое. Скальпель? Возможно.

Кайра выпрямилась. В голове крутилась мысль: если убийца — медик, он знает, куда бить, чтобы не было шума и крови. Он спокоен. Холоден. Это не первый его раз. Это призвание.

И тут её накрыло. Не страхом — тяжестью.

Она посмотрела на тела, на переулок, на жёлтую ленту, на коллег, которые копошились в отдалении, ничего не понимая. В отделе она умнее всех. И от этого становилось одиноко. Каждый раз, стоя над трупами, она чувствовала: другие видят улики, а она видит картину целиком. Они ищут мотив — она психологию. Они думают, что убийца — психопат, она понимает: это тот, кто верит, что вершит правосудие.

Иногда это пугало её. Не убийца. А осознание, что она, возможно, единственная, кто способна его понять.

Кайра вздохнула. Сожаление. Не о том, что убийца сделал. А о том, что система прогнила настолько, что появился кто-то, кто взял закон в свои руки. И что она, представительница этого самого закона, чувствует странное уважение к его точности.

Она застегнула куртку плотнее — ночной ветер пробирал до костей. Кто бы ни был этот заступник, он умён. Очень умён. И это делало его опасным. Но Кайра знала: она упрямее.

Она решительно сжала кулаки.

Домиан открыл глаза. Часы показывали 02:30. Он проспал чуть больше часа. Скальпель под подушкой всё ещё пульсировал — тихо, в такт сердцу. Домиан лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок и думал.

О видении. О человеке из чёрного пламени. О его сожалении. И о своём.

Общество гнилое. Закон не работает. Справедливость продаётся. И тот, кто пытается её восстановить, становится

преступником. Это сожаление — не о том, что он убил. О том, что он вынужден убивать. И что никогда не сможет рассказать отцу. Или матери. Или профессору Варгасу. Никто не поймёт.

Домиан перевернулся на бок. Пустота. Не физическая — душевная. Пустота, когда ты один на один с правдой, и никто не видит того, что видишь ты. Даже отец, который стоял за дверью и волновался. Он видит только серую обыденность. А Домиан видит красное небо.

Это пугало. Не убийство. Осознание, что ты навсегда отделён от остальных людей. Что ты смотришь на мир иначе. И назад дороги нет.

Он закрыл глаза. Решимость холодной сталью вошла в сердце. Он будет изучать. Экспериментировать. Узнает всё об этой вещи. Станет лучше, чем предыдущий хозяин. И тогда...

Он снова провалился в сон — на этот раз глубокий, без мыслей. На часах было 02:33.

—

Конец третьей главы.

Глава 4. Алтарь

14 июля, 23:00

Он вернулся в общежитие поздно. Лёг на кровать, закрыл глаза. В голове крутились образы Кайры — её улыбка, взгляд, тепло её руки. Скальпель лежал в портфеле. Блокнот лежал в тайнике под плинтусом. Пластыри на пальцах, запястьях и лодыжках отдавались тупой болью. Восемь порезов оставались неиспользованными.

14 июля, 20:00

Ресторан «Старая пристань». Столик у окна, вид на море. Летний вечер, закат только что погас, и в тёмной воде отражались огни набережной.

Кайра пришла первой. Сняла блейзер, осталась в простой белой блузке — без строгой полицейской формы она выглядела моложе, мягче. Красный шнурок на часах по-прежнему был на запястье. Она заказала белое вино и стала ждать.

Домиан появился через пять минут — в светлом тренче. Волосы аккуратно зачёсаны назад, руки в карманах. Увидел её без блейзера и почему-то смутился.

— Ты безоружна? — спросил он, садясь напротив.

— Женщина никогда не безоружна, — парировала Кайра.

— Это ты, как психолог, должен знать.

Он улыбнулся.

— Тогда я в опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.